

кризиса. Как писал известный экономист Людвиг фон Мизес, «люди цепляются за этатизм, и это великий самообман, что можно разрушить их веру во всеислие правительства» [8, 198].

Перевод К. М. Романовой-Табаринцевой

1. *Tasca A.* La Naissance du fascisme. Gallimard, Paris 1938. (Trad. ital.: Nascita e avvento del Fascismo, La Nuova Italia, 1950 e 1955 e Laterza, Bari, 1965.)
2. *Schivelbusch W.* Three New Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939. Metropolitan Books, 2006.
3. *Miglio G.* Una Costituzione per i prossimi trent'anni. // Intervista a cura di M. Staglieno, Laterza, Bari 1990.
4. *Hintze O.* Stato e esercito. (*Staatsverfassung und Heeresverfassung*, 1906). Flaccovio, Palermo 1991.
5. *Ludwig E.* Colloqui con Mussolini (1932). Mondadori, Milano 1965.
6. *Gottfried P.* Le origini di sinistra del Fascismo. Spunti critici sull'opera di Zeev Sternhell // Futuro Presente. 1993. № 4. P. 11–116.
7. *Accame G.* Religio mortis e lotta politica // Futuro Presente. 1993. № 3. P. 122–142.
8. *Mises L. von* In nome dello Stato. (Im Namen des Staates oder die Gefahren des Kollektivismus, 1978). Rubbettino 2012.

УДК 323.12(450)

Л. Люкс

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ:
КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАРАЛЛЕЛЯХ И РАЗЛИЧИЯХ
По поводу интервью В. И. Михайленко «Итальянский фашизм 90 лет
спустя: актуальность исторического феномена»**

В моей краткой заметке посвященной чрезвычайно насыщенному и информативному интервью профессора Михайленко, я хотел бы сосредоточить свое внимание лишь на одном вопросе: на сравнении фашистского режима в Италии и нацистской диктатуры. Я полностью согласен с Валерием Ивановичем и с Р. Де Феличе, на которого проф. Михайленко часто ссылается, что фашистская диктатура в Италии существенно отличалась от нацистского режима. Хотя итальянские фашисты и определяли свое государство как «тоталитарное», в случае фашизма в Италии речь шла, по мнению многих авторов, о «неполном тоталитаризме» [1, 156, 161–164].

В отличие от национал-социализма у итальянского фашизма не было монокаузальной модели объяснения мира, лежавшей в основе апокалиптических преступлений нацистского режима. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не инициировал мировую революцию, писал американский политолог Зигмунд Нейман [3, 111].

Радикальные словесные тирады Муссолини в действительности воплощены не были. Ему не был свойствен и беспощадный фанатизм Гитлера, по крайней мере до начала 30-х гг. В итальянском фашизме не было ни Освенцима, ни Трешлинка. Но, несмотря на все эти различия, существовали все же и параллели между двумя правозэкстремистскими режимами. Несмотря на свою тягу к прагматизму, итальянский фашизм никогда не терял своего изначального революционного характера. Хотя он и не смог в такой степени индоктринировать и изменить подвластное ему общество, как национал-социализм, он никогда не терял эту цель из виду. Хотя Муссолини и пытался на время усмирить радикально-террористическое крыло своего движения во главе с Роберто Фариначчи, чтобы не подвергать опасности свой союз с консервативными элитами, радикалы никогда не были лишены власти окончательно. Муссолини они были нужны как противовес, чтобы не попасть в полную зависимость от его консервативных союзников. Итальянский фашизм сохранял до конца свою изначальную радикальность, которую воплощала прежде всего фашистская милиция (MVSN). Немецкий историк Вольфганг Шидер пишет по этому поводу: «Для радикальных партийных лидеров, как Акилле Стараче, Роберто Фариначчи, да и для самого Муссолини, фашистская милиция еще в 30-х годах была основной политической надеждой режима. <...> Несмотря на то что фашистскому режиму... не удалось сформировать из милиции элитное военное формирование наподобие Ваффен-СС, важен по меньшей мере сам факт такой попытки» [4, 99–110].

Итальянский фашизм отличал от классических бюрократически-авторитарных режимов и тот факт, что он никогда не отказывался от создания «нового человека» и нового, никогда доселе не существовавшего общества. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле, «фашисты считали себя — как и футуристы — “конструкторами будущего”. Фашистский миф о “перманентной революции” был к тому же модернистским, так как он заставлял фашизм не почитать на своих успехах и не стабилизировать свою позицию власти через осторожную политику сохранения, а заставлял его посредством постоянного придания импульса своей изначальной сущности чувствовать себя обязанным и даже вынужденным конструировать новую реальность будущего и оставить свой отпечаток для грядущих цивилизаций» [2, 399].

Кроме того, фашизм и нацизм объединяло прославление насилия и войны, и эта «тяга к войне» являлась как бы центральной движущей силой обоих режимов. Поскольку фашисты и нацисты пришли к власти не через устранение правящих до этого элит, а через компромисс с ними, их «захвату власти» недоставало принудительного характера, отличавшего путь большевиков к власти с осени 1917 г.

Как фашисты, так и нацисты пытались завуалировать этот факт, поскольку он противоречил насаждаемой им концепции об открытии новой исторической эпохи. В обоих случаях передачу власти они стилизовали под «захват власти», даже под революцию. Однако из-за союза с консервативными элитами путь к глубоким социальным преобразованиям в обеих странах оказался закрыт. Поэтому территориальная экспансия представляла собой важнейший клапан для разрядки накопившегося напряжения.

Уже в 20-х гг. многие наблюдатели предсказывали, что фашизм неминуемо свергнет Европу в войну. Например, Филиппо Турати, один из лидеров Итальянской социалистической партии, заявил в 1928 г., что фашизм родился из войны и должен неизбежно породить войну [5, 143].

Общая для режимов Муссолини и Гитлера «тяга к войне» привела к тому, что, несмотря на первоначальные конфликты, они становились друг другу все ближе. Так, Муссолини заявил 4 февраля 1939 г. в своей речи перед *Большим фашистским советом*: «Политика оси Рим — Берлин отвечает... исторической необходимости первостепенного значения» [4, 106].

Вольфганг Шидер пишет: «Идеологическое возвышение совместных с Гитлером политических действий возникло не из простой риторики. Оно с самого начала скорее показало, что привязанность к родственному по духу германскому диктатору была для Муссолини чем-то большим, чем просто тактический расчет» [5, 143].

1. *Aquarone A.* L'organizzazione dello Stato totalitario. Torino 1965. Stanley Payne: Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung. B. ; München 2001.

2. *Gentile E.* The Origins of Fascist Ideology 1918–1925. N. Y., 2005. P. 399.

3. *Neumann S.* Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. N. Y., 1965. P. 111.

4. *Schieder W.* Kriegsorientierung im faschistischen Italien // Faschistische Diktaturen. Studien zu Italien und Deutschland. Göttingen, 2008. P. 99–110.

5. *Turati F.* Faschismus, Sozialismus und Demokratie / E. Nolte (ed.): Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. S. 143–150.

УДК 323.12(450)

О. Э. Терехов

МЕЖДУ НАУКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ: АКТУАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В первом номере «Известий Уральского федерального университета» (Серия 3. Общественные науки) за 2013 г. в рубрике «Форум» было опубликовано интервью известного отечественного итальяниста, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории международных отношений УрФУ В. И. Михайленко, посвященное «знаменательной» в европейской и итальянской истории XX столетия дате — 90-летию «похода на Рим» итальянских фашистов и соответственно прихода Бенито Муссолини к власти [3]. Главная идея автора, с которой нельзя не согласиться, вынесена в заголовок интервью. В. И. Михайленко акцентирует актуальность исторического феномена итальянского фашизма, подчеркивает многофакторность его идейно-политических предпосылок, отмечает неоднозначность его воздействия